

На спине Тао Хуайнаня появился синяк, о происхождении которого он сам не знал. Чи Ку, намочив руку, провёл мокрыми пальцами по спине мальчика и спросил:

— Как это случилось?

Тао Хуайнань, опустив голову, ответил:

— Ударился о дверцу шкафа в комнате брата.

Чи Ку надавил на синяк, и Тао Хуайнань тихо прошептал:

— Больно.

Чи Ку потянул его под душ, чтобы он промыл спину, и, не выражая никаких эмоций, сказал:

— Не спи больше в комнате брата.

— Ладно, — кивнул Тао Хуайнань, также опустив глаза. — Хорошо.

На этом они пришли к соглашению, и вопрос о отдельном сне был временно урегулирован.

Вечером Тао Хуайнань забрал из комнаты брата своё старое одеяло, которое оказалось прижато ногой Тао Сяодуна. Пытаясь вытащить его, он толкнул ногу брата:

— Подними немного.

— О, куда это ты собрался? — с усмешкой спросил Тао Сяодун. — Ложись, выключаю свет, пора спать.

Тао Хуайнань ничего не ответил, свернул одеяло в комок и, держа его в руках, медленно вышел из комнаты.

— Куда ты? — нарочито спросил Тао Сяодун. — Больше не спишь со мной?

— Не сплю, — тихо пробормотал Тао Хуайнань.

Тао Сяодун, подняв голову, наблюдал, как мальчик возвращается в свою комнату, и, улыбнувшись, выключил свет.

Перед сном каждый спал в своей постели, но утром Тао Хуайнань проснулся с ногой на животе Чи Ку. Рука Чи Ку лежала на его ноге, а сам он ещё спал.

Тао Хуайнань повернулся, обнял Чи Ку, и его лицо почти прижалось к его руке, дыхание касалось кожи.

Мальчик потёрся лицом о простыню, чувствуя, что в своей комнате спалось гораздо лучше.

Чи Ку открыл глаза, обнаружив, что Тао Хуайнань обвил его так, что двигаться было невозможно. С детства у него была привычка спать, обнимая кого-то, и если он не клал ногу на кого-то, то не мог уснуть.

Ученики средней школы наконец-то ушли на зимние каникулы, и больше не нужно было каждый день ходить в школу. Однако для Тао Сяодуна это было самое загруженное время года — он уходил рано утром и возвращался поздно вечером, оставляя мало времени для общения с

мальчиками.

Перед уходом он заглянул в их комнату и, увидев, что Чи Ку уже проснулся, спросил:

— Вы останетесь дома или пойдёте со мной?

Чи Ку посмотрел на спящего Тао Хуайнаня и ответил:

— Иди вперёд, брат. Если он захочет пойти к тебе, я приведу его.

Тао Сяодун кивнул:

— Хорошо, спите ещё немного.

Неизвестно, был ли сон слишком крепким, но Тао Хуайнань проспал до девяти часов утра.

Проснувшись, он долго сидел на кровати, не двигаясь, словно всё ещё был в полусне.

Чи Ку встал с кровати, и Тао Хуайнань мягко спросил:

— Куда ты?

— В туалет, — ответил Чи Ку, надевая тапочки.

Тао Хуайнань тоже встал, но, обойдя кровать, не смог найти свои тапочки и вышел босиком.

Чи Ку, умываясь в ванной, заметил, что Тао Хуайнань подошёл, и отодвинулся, чтобы дать ему место. Чистя зубы одной рукой, он выдавил зубную пасту на щётку Тао Хуайнаня. Тот взял щётку, начал чистить зубы и, улыбнувшись, невнятно пробормотал:

— Спасибо.

Сон стёр все их предыдущие разногласия, и, будучи ещё сонным, он был особенно послушным.

Чи Ку, умыв лицо и вытерев голову полотенцем, уже собирался выйти, но, заметив, что Тао Хуайнань босиком, нахмурился. Он снял свои тапочки и толкнул их к ногам мальчика, а сам вышел босиком, чтобы найти себе другую пару.

Тао Хуайнань, всё ещё сонный, наступил на тапочки, прополоскал рот и выплюнул пену.

К сожалению, его послушание длилось недолго. Когда он окончательно проснулся, то вспомнил о своём холодном конфликте с Чи Ку и снова начал вести себя капризно.

Чи Ку, как всегда, перевёл экзаменационные задания на шрифт Брайля, чтобы Тао Хуайнань мог их выполнить.

Когда тот закончил английский, он вдруг спросил:

— Ты не звонишь старосте класса?

Чи Ку посмотрел на него, но не ответил.

— Вы собираетесь встретиться? — с неожиданной прямоотой спросил Тао Хуайнань. — Если хочешь пойти, я останусь дома один. Я не буду трогать вещи и не выйду.

Чи Ку, проверяя его работу, раздражённо сказал:

— Замолчи.

Но Тао Хуайнань не смог удержаться и снова спросил:

— Зачем тебе встречаться с кем-то? Что в этом хорошего?

Чи Ку разозлился на эти слова. Он не хотел слышать ни слова об этом — это его раздражало.

— Если скажешь ещё одно слово, я уйду, — предупредил он.

— К старосте? — Тао Хуайнань надул губы и добавил:

— Если хочешь пойти, иди. Не используй меня как предлог. Уходи, я не скажу брату.

Чи Ку швырнул тетрадь на стол и вышел.

Тао Хуайнань подумал, что он уходит, и, следуя за ним, пробормотал:

— Когда ты вернёшься?

— Не вернусь, — ответил Чи Ку.

Тао Хуайнань знал, что это неправда, и продолжал спрашивать:

— Когда ты вернёшься?

Чи Ку, окончательно раздражённый, прикрыл рукой рот Тао Хуайнаня:

— Ты можешь не докучать мне?

Чем больше Тао Хуайнань заикливался на этом, тем меньше Чи Ку хотел объяснять. Вся эта ситуация была настолько абсурдной, что только человек с извилистым мышлением мог такое придумать.

Они проводили вместе двадцать четыре часа в сутки, и только те два урока, которые они не были рядом, дали Тао Хуайнаню повод для таких мыслей.

Чи Ку надел куртку, взял ключи и вышел, оставив Тао Хуайнаня в полном замешательстве.

Когда он вернулся, Тао Хуайнань сидел на диване, смотря в одну точку.

Услышав звук открывающейся двери, он не сказал ни слова.

Чи Ку бросил ключи на тумбочку, переобулся и бросил Тао Хуайнаню большую чашку горячего чая с молоком.

Тот пощупал её, но на этот раз не улыбнулся.

Чи Ку снял куртку, повесил её и сказал:

— Выпей и садись за экзамен.

— Ты не пошёл на свидание? — спросил Тао Хуайнань, держа чашку.

— На какое свидание? — Чи Ку вставил трубочку в чашку, раздался звук «бульк».

Тао Хуайнань наклонился, чтобы найти трубочку, и, неуверенно прикоснувшись к ней губами, начал пить. Когда он нашёл жемчужинки, он медленно жевал их, оставаясь тихим — именно в такие моменты он был наиболее послушным.

Выпив половину чашки, Тао Хуайнань вдруг осознал, что Чи Ку вовсе не уходил на свидание, а просто напугал его, выйдя купить чай.

Чувство удовлетворения мгновенно наполнило его, и он, радостно вскрикнув, подбежал к Чи Ку и обнял его:

— Ты специально пошёл за чаем для меня!

— Нет, — ответил Чи Ку.

— Да! — Тао Хуайнань засмеялся. — Ты такой хороший!

Чи Ку снял его руки со своей шеи, но Тао Хуайнань снова обнял его, называя «Сяо».

— Садись за математику. Посмотри, что ты написал по английскому, — нахмурился Чи Ку. — О чём ты вообще думаешь?

Теперь Тао Хуайнань был в отличном настроении и, несмотря на слова Чи Ку, продолжал улыбаться. Иногда он говорил глупости, но потом сразу извинялся.

Когда Тао Сяодун взял их с собой в магазин, Тао Хуайнань не отходил от Чи Ку, называя его «Сяо» с невероятной нежностью.

Тао Сяодун, работая, услышал, как Тао Хуайнань снова говорит приятные слова, и улыбнулся под маской.

Брат Хуан, держа большую чашку чая, стоял рядом и наблюдал за работой.

— Сяонань умеет угождать, — сказал он.

— У него много хитростей, — ответил Тао Сяодун. — Недавно он кого-то разозлил, а теперь пытается задобрить.

— Ему даже не нужно стараться, — вздохнул брат Хуан. — Он стоит перед тобой, улыбается, и злость уходит.

Белолицый и красивый мальчик с широко распахнутыми, но невидящими глазами вызывал у людей чувство жалости и нежности, когда улыбался.

Теперь, когда каникулы начались, и больше не нужно было ходить в школу, староста и другие одноклассники исчезли из поля зрения Тао Хуайнаня, и его странное чувство тревоги естественным образом исчезло.

Все эти запутанные эмоции были всего лишь проявлением детской ревности.

Брат был его, Чи Ку был его. В узком мире Тао Хуайнаня эти двое были неприкосновенны, и чувство угрозы, что кто-то может их забрать, а также осознание, что они больше не принадлежат только ему, неизбежно вызывали негативные эмоции.

[Пусто]

<http://bllate.org/book/16228/1458142>